
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

СТАНОВЛЕНИЕ МОДЕЛИ РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. *

Р.А. Арсланов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается становление либерально-демократического направления в общественной мысли России пореформенной эпохи, определяются основные вехи его развития. Особое внимание уделяется выявлению основных идейных элементов реформаторского демократизма. Намечаются методические подходы к его исследованию.

В начале третьего тысячелетия Россия, переживающая сложный переходный период, испытывает острую потребность в выработке собственной модели развития, которая бы учитывала как все ее своеобразие, так и вызовы времени. Вот почему особое значение приобретает обращение к творческому наследию тех отечественных мыслителей прошлого, которые в своих теоретических исканиях пытались не только осмыслить стоявшие перед модернизирующимся обществом проблемы, но и выразить насущные интересы большинства населения. Именно в их трудах намечилось становление модели реформаторской демократии, востребованность в которой так остро ощущается в наши дни.

Выявление и реконструкция разработанного представителями различных течений общественной мысли национального проекта демократизации, исключаяющего революцию как способ преобразований, представляет собой крайне актуальную и научно-познавательную задачу, решение которой позволяет по-новому взглянуть на судьбы либерализма и демократии в современной России. При этом следует учесть, что в эпоху перестройки многие связывали свои надежды на выход страны из кризисного состояния с воплощением в жизнь основных либерально-демократических ценностей: политической свободы, частной собственности и рыночной экономики. Однако разрушительные социальные последствия реформ начала 1990-х гг. не только их дискредитировали в глазах современников, но вновь заставили задуматься о совместимости принципов демократии с национальной почвой.

* Публикация осуществляется в рамках исследовательского проекта РГНФ 08-01-00222-А.

В данной статье будут рассмотрены взгляды тех мыслителей России, которые в своих построениях, отказываясь как от некритического заимствования западных идей, так и патриотического самолюбования, ведущего к стагнации и изоляционизму, стремились соединить ценности европейской демократии с отечественными реалиями, т.е. выработать такую модель социальной и политической модернизации, которая предполагала осуществляемый в интересах большинства населения страны синтез национальных традиций и мирового опыта.

Важность темы заключается и в том, что сам народ, неся на своих плечах все тяготы осуществляемой сверху во второй половине XIX — начале XX в. ускоренной модернизации, не был готов к восприятию идей демократии. Передовым умам в поисках социальной опоры приходилось, с одной стороны, пробивать бреши в стене народной консервативной утопии, а с другой, учитывать скрываемую под внешним смирением склонность народа к бунту, радикальным методам утверждения веками вынашиваемого идеала справедливости. В результате представители оппозиционной интеллигенции стремились соединить ценности политической свободы и прав личности с интересами и настроениями большинства, что, как представляется, остается важнейшей задачей и для современной России.

Отдельные элементы проекта реформаторской демократизации России мы встречаем в теоретическом наследии известного русского либерала К.Д. Кавелина (1818—1885 гг.), внесшего огромный вклад в становление либеральной оппозиции, разработку и распространение ее идейной программы (1). Кавелина заслуженно считают и одним из ведущих идеологов великой крестьянской реформы 1861 г.

Именно годы подготовки освобождения крестьян стали переходными в теоретических исканиях Кавелина: его мысль двигалась от освоения либеральной теории к осмыслению путей ее адаптации к условиям России, а в итоге, — к разработке национальной формы либерализма, предполагавшей соединение основных либеральных идей с демократической почвой.

Кавелинский проект модернизации России включал в себя следующие основные компоненты: оценку отношений России и Запада, анализ взаимодействия личности, общества и государства, программу социально-экономических и политических преобразований.

Кавелин, в отличие от многих либералов, выступал против идеализации Европы, подчеркивал опасность прямых заимствований и механического переноса на русскую почву ее достижений. Слепое копирование, по его мнению, могло привести лишь к нарушению органического характера развития страны, вызвать противоестественный и крайне опасный для ее судеб симбиоз. Однако Кавелин, будучи подлинным патриотом, не только защищал Россию от ее критиков, но и сам обращал внимание на ее недостатки, и в первую очередь, культурную и социально-экономическую отсталость. Именно незрелость России, полагал он, препятствовала восприятию многих идей, уже давно укоренившихся на Западе. Попытка же внедрить, может быть, и верную доктрину в неподготовленное для этого общество могла привести, по его мнению, к социальной трагедии. «Великое несчастье для народа, — писал Кавелин, — когда мысль, опередившая действитель-

ность, успеет в нем нарушить естественный, постепенный, практический ход жизни! Господство такой мысли все-таки вдруг не возводится, потому что жизнь к ней не подготовлена; но нарушение постепенного развития создает ненормальный порядок дел, который долго потом будет отзываться в народе и производить разные патологические, ненормальные явления» (2).

В стране, по мнению Кавелина, еще не сложились условия для утверждения либерально-демократических идей. Вот почему в пореформенную эпоху он и выдвигал на первый план не столько права и свободы личности, сколько проблему ее несформированности. При этом становление личности, по его мнению, не могло быть результатом прямого заимствования западных теорий и учреждений, а лишь плодом усилий самого российского общества.

Осознавая возможные трагические последствия отставания формирования личности от происходящих в обществе изменений, Кавелин надеялся ускорить ее становление за счет нравственного развития человека. Это не значит, что он выступал против утверждения политической свободы. Скорее, он ратовал за синхронное изменение внутреннего мира личности и общественных форм, не без основания полагая, что неподготовленная духовно к внешней свободе личность не выдержит ее испытаний. Свободу Кавелин воспринимал не как самоцель, а как одно из решающих условий развития личности. Обращение же к проблемам нравственности вызывалось стремлением мыслителя адаптировать основополагающую идею классического либерализма к российскому обществу с его повышенной чуткостью к духовным аспектам бытия. Представляется, что тем самым Кавелин надеялся не только с помощью укрепления основ гражданского общества, распространения образования, но и совершенствования внутреннего мира человека сформировать личность в народной среде. С другой стороны, Кавелин выступал и против позиции славянофилов, определявших прогресс общества лишь нравственным совершенствованием человека. В итоге проблему соотношения нравственности и общественных отношений Кавелин стремился разрешить в свойственном ему синтетическом духе. Он ратовал как за нравственное воспитание личности, так и совершенствование общественных отношений, полагая, что «образцовая общественная жизнь слагается из хороших общественных учреждений и из нравственно развитых людей» (3). Помимо прочего, то внимание, которое Кавелин уделял нравственной стороне личности, обуславливалось его надеждами компенсировать политическое бесправие русского общества, его правовой индифферентизм развитием внутреннего мира человека. «Мы, русские, добрейшие люди в мире, — писал он, — из сердечной доброты мы легко отказываемся от своих прав и даже от своих выгод. Но чувство законности и справедливости, к сожалению, развито у нас чрезвычайно слабо, так слабо, что иной раз думается, не лишены ли мы вовсе органа, производящего в людях эти добродетели?» (4).

В своих исканиях Кавелин пытался встать над существующими партийными направлениями и разработать такую концепцию, которая бы учитывала национальное своеобразие крестьянской страны. Именно в особенностях российской социально-политической структуры, т.е. в преобладании крестьянства, сохраняющейся общине, доминирующей роли государства, он и надеялся найти основа-

ния для либерализации страны. Иными словами, в ее отрицательных с точки зрения российских западников сторонах он искал условия будущего прогресса.

Так, доказывая естественный и прогрессивный характер развития частной собственности, Кавелин, в отличие от ортодоксальных либералов, не абсолютизировал ее роль в жизни общества и обосновывал необходимость сохранения сельской общины, учитывая тем самым условия жизни и чаяния большинства крестьянства страны. Вместе с тем он обращал внимание на ее недостатки и предлагал устранить архаичные, не соответствующие новым условиям формы общинного землепользования, например, переделы земли. В итоге он выдвинул идею соединения «неприкосновенной и неотчуждаемой собственности сельских обществ на землю с наследственным владением и пользованием этой землей» членами общины «без права ее закладывания или каким-либо образом отчуждения на правах собственности» (5).

Эта мера, как надеялся Кавелин, сохраняя общину и спасая крестьян от обезземеливания, создала бы условия для развития индивидуального подворного хозяйства, а следовательно, для улучшения материального положения и становления личного начала в крестьянской среде.

Таким образом, Кавелин предполагал реформировать традиционную структуру, совместив в ее рамках общественную собственность и индивидуальное владение, а в широком смысле — демократические и либеральные ценности. Не следует забывать, что наряду с общиной Кавелин предполагал развитие в России и частного хозяйства, выступая тем самым за сосуществование различных форм и видов собственности. В их сочетании он видел, с одной стороны, условие для обеспечения экономического прогресса и личной свободы, а с другой — средство, дающее социальные гарантии для большинства населения. В результате Кавелин предстает перед нами сторонником смешанной экономики, мыслителем, облакающим идеи классического либерализма в национальные формы, придающие им демократическое содержание.

В своих работах Кавелин рассматривал и крайне актуальную в наши дни проблему соотношения сильной власти и свободы, пытался доказать, что в условиях России только мощное государство было способно проводить преобразования, отвечающие интересам большинства населения. Следует подчеркнуть, что основной постулат кавелинской политической концепции — сочетание самодержавия и свободы личности — бесспорно, противоречил учению классического либерализма. Более того, он выступил с критикой дворянских конституционных проектов первой половины 1860-х гг., а его «антиконституционализм» стал причиной разрыва личных отношений с идейным вождем отечественной демократии А.И. Герценом. На самом деле в дворянских проектах Кавелин увидел не заботу о свободах и правах личности, а попытку дворянства с помощью представительного органа реставрировать крепостнические порядки, что могло вызвать народное возмущение. «Игра в конституцию, — писал он Герцену, — меня пугает, разбесят дворяне мужиков до крайности, уверят их своим псевдолиберальным балагурством, что они, дворяне, в самом деле затевают что-то против царя, и пойдет потеха. Я скоро буду всеми силами стоять за все реформы, но против конститу-

ции» (6). Таким образом, в трактовке Кавелина появление «дворянского парламента» могло стать на пути подлинной демократизации страны, отбросив ее в до-реформенное прошлое. К тому же и крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, по мнению Кавелина, не было готово не только к политической свободе, но и гражданскому самоуправлению.

Герцен же обвинил своего бывшего друга не просто в недоверии, а во вражде к народу, говоря, что в его интерпретации «... народ русский — скот и выбрать людей для земства не умеет, а правительство — умница» (7). Кавелин в своем письме пытался объяснить свою позицию: «Вся моя забота в том, что теперь, в эту минуту, конституция невозможна общая, для всех классов народа, а одна дворянская немислима. Политические представители народа должны знать многое другое, кроме местных условий и обычаев, а таких между крестьянами нет; из других сословий крестьянин выбирать не станет, потому что не доверяет им, и очень справедливо не доверяет» (8). Заметим, что спустя менее десяти лет в своих предсмертных письмах «К старому товарищу» Герцен, по сути, согласится с точкой зрения Кавелина: «Всеобщая подача голосов, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой он чуть не зарезался» (9).

Вместе с тем, как уже отмечалось, Кавелин не отвергал сам принцип конституционализма, выделяя две стадии в его развитии. «В обширном смысле, — писал он, — под конституцией разумеется всякое правильное государственное и общественное устройство, покоящееся на разумных, непреложных основаниях и законах, — устройство, при котором нет места для произвола, личность, имущество и права всех и каждого обеспечены и неприкосновенны. Такой порядок дел возможен при всяком образе правления — в неограниченной монархии, как и в республике. (...) В тесном смысле под конституциею разумеется такое политическое устройство государства, где верховная власть ограничена политическим представительством, палатами или камерами, разделяющими с нею, в большей или меньшей степени, законодательную и высшую административную власть» (10). Таким образом, доказывая совместимость свободы личности и самодержавия, Кавелин воспринимал представительное правление лишь как результат естественного развития гражданского общества, подготавливающего население к полной политической свободе и конституционному строю. Без прохождения этой стадии, в начале которой Россия только-только оказалась после отмены крепостничества, установление представительного правления могло вызвать лишь отрицательные последствия. Кавелин полагал, что «преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок взамен произвола хаоса, по самому существу должны предшествовать политическим гарантиям, ибо готовят и воспитывают народ к политическому представительству. Там где, как у нас, царствует глубокое невежество, гражданское и политическое растрепанье, где честность и справедливость — слова без смысла, где не существует первых зачатков правильной, общественной жизни, даже нет элементарных понятий о правильных гражданских отношениях, там прежде представительного правления и установления палат нужны законодательные реформы; там общество должно сперва переродиться, чтобы политические гарантии, — предупреждал он, — не обратились в театральные декорации,

в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие» (11). Таким образом, демократия в его трактовке могла появиться в России лишь в результате становления и развития свободной личности и гражданского общества. Ускоренное и насильственное ее утверждение способны были вызвать лишь социальный хаос, а как его следствие — новую тиранию.

Представляется, что демократами в России были не только те, кто, сострадав народу, желал радикально изменить его положение и передать ему бразды правления, но и те, кто, отмечая его недостатки, обосновывал необходимость подъема культурного и политического уровня народа до понимания ценности свободы личности, до способности к гражданскому самоуправлению. «Что касается до масс народа, — полагал Кавелин, — то, конечно, никто, зная их хоть сколько-нибудь, не сочтет их за готовый, выработанный элемент представительного правления. Дай бог, чтоб эти безграмотные, большей частью бедные, не развитые массы, лишь со вчерашнего дня вышедшие из рабства, сумели как следует пользоваться своими гражданскими правами и тою скудною долею самоуправления, которая им представлена законом» (12). Показательно, что и Герцен, обвинявший в начале 1860-х гг. Кавелина в «антидемократизме», к концу своей жизни осознал беспочвенность упований на возможность быстрых коренных изменений общественно-политического строя России, полагая, что главной препойой на их пути был сам народ — «консерватор по инстинкту», у которого «... нет идеала вне существующих условий; его идеал буржуазное довольство...» (13).

«Поздний» Герцен, как и Кавелин, полагал невозможным «взять неразвитие (т.е. отсталость, традиционализм — *P.A.*) силой», доказывая, что революционные перевороты, разрушая существующие отношения, приведут лишь к воссозданию наиболее уродливых черт старого порядка. Теперь он почти в кавелинском духе утверждал, что «нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное рабство, чем дар излишней свободы» (14). При всей достаточно скептической оценке двух мыслителей готовности русского народа к конституционному строю и политической свободе едва ли следует их подозревать в антидемократизме и неприятии идеи свободы личности. Вот почему лишенным чувства историзма представляется мнение современного авторитетного исследователя В.К. Кантора, утверждающего, что «именно понятие свободы и выпало из концепции Кавелина, во многом предопределив неосуществимость его построений» (15).

Конкретные предложения Кавелина были направлены на совершенствование существующей системы управления, на развитие местного самоуправления, суда, обеспечение свободы слова, гражданских прав личности, т.е. на создание условий ее культурного и общественного развития, позволяющих со временем обрести и политическую свободу.

В начале 1860-х гг., продолжая возлагать все свои надежды на самодержавную власть как главный источник либеральных реформ, Кавелин вместе с тем все активнее стал выступать за создание местного самоуправления. В своих работах он пытался представить земство, с одной стороны, в качестве основной опоры пре-

образований на местах, а с другой — как силу, способную оказывать благотворное воздействие на верховную власть (16). При этом публицист ратовал за создание бессловного земства, призванного объединить в одном учреждении для решения местных вопросов дворян и крестьян, что способствовало бы преодолению социальной розни. К тому же органы местного самоуправления могли стать своеобразной школой гражданского воспитания крестьян, подготавливавшей их к участию в управлении обществом, к политической свободе и демократии.

В 1870 — начале 1880-х гг. Кавелин постепенно утрачивает надежды на становление свободной личности и гражданского общества в условиях пореформенной России, все более задумывается о причинах неэффективности проведенных либеральных преобразований. Как и многие свободомыслящие интеллигенты эпохи, тяжелое материальное положение народа и плачевное состояние общества он объяснял результатами деятельности правительства в частности, да и несовершенством самой системы управления в целом. «Все зло и вся беда наша в том, — писал он Д.А. Милютину в 1884 г., — что правительственный механизм (а не самодержавная власть) совсем сгнил и должен непременно быть замененным другим, новым, органически построенным, приспособительным к условиям нашего государства и русской среды, а не по принципам, выработанным чужою жизнью и чужим опытом, которые мы, по недоразумению, считаем за общечеловеческие принципы» (17).

Не ограничиваясь ставшими к тому времени стереотипными обвинениями в адрес правительства, Кавелин стремился выяснить глубинную подоплеку неудач преобразования России, задумывался о возможности и способности самого общества к трансформации, о совместимости реформ и культурной национальной традиции. Пытался он также понять роль и место основных социальных групп и государства в изменяющемся мире.

При этом Кавелин не находил ни в одном социальном слое России готовности и способности к обновлению страны, отмечал «полное невнимание не только к правам и интересам других, но даже к своим собственным». В итоге он был уверен, что «... девять десятых неудовольствия и жалоб на наши порядки имеют источником не назревшую потребность политических свобод, а поразительное отсутствие самых азбучных культурных привычек в огромном большинстве людей, к какому бы классу, сословию и общественному слою они ни принадлежали» (18).

Таким образом, не отрицая необходимости политических свобод, даже соглашаясь с тем, что потребность в них назрела, главной бедой русского общества он продолжал считать его крайне плачевное культурное состояние. «А пока культура не проникнет в массы, — утверждал он, — до тех пор о коренной перестройке учреждений нечего и думать; возможны одни лишь частичные улучшения законодательства и администрации» (19).

Продолжая отстаивать принцип незыблемости самодержавия, Кавелин все же полагал, что в стране произошли изменения, породившие потребность в реформировании государственного строя. Главный же смысл предложенных им преобразований заключался в достижении совмещения сильной центральной власти и свободы личности. При этом, вскрывая недостатки существующей в России

административной системы, Кавелин предлагал ряд мер по ее совершенствованию, направленных, в первую очередь, на преодоление произвола бюрократии.

С целью разрушения пагубной для России административной системы и восстановления «подлинного» народного самодержавия Кавелин попытался обосновывать необходимость введения в стране представительного правления, определить его место в системе неограниченной монархии. В своих предложениях Кавелин исходил из того, что представительная система должна была строиться на русской национальной почве, с учетом ее традиций и особенностей, не повторяя и не копируя европейские формы. Она была призвана «... служить выражением не для тех или других частных сословных или корпоративных интересов, а для общих и местных потребностей и нужд государства...» (20). Таким образом, представительство в России мыслилось Кавелиным лишь всеобщим, т.е. подлинно демократическим и национальным по своему характеру.

Конкретные предложения Кавелина были достаточно умеренны и сводились к введению выборных представителей земств в административные органы и в Государственный совет. При этом следует учесть, что его сдержанность вызывалась не только осознанием неготовности русского общества к полноценному представительству, ограничивающему самодержавие, но и пониманием того, что альтернативой осуществляемому самой властью методом добровольного «самоограничения» продвижению к конституционным порядкам может стать стихийный бунт или политическая революция.

В идейно-политических построениях Кавелина причудливо переплеталось преклонение перед российской реальностью, намерение ее улучшить путем постепенных реформ и просвещения масс с исканием утопического идеала «мужицкого царства», которое рисовалось ему в форме своеобразной федерации общин во главе с монархом, «окруженным» народными представителями из внесословной, нравственно и интеллектуально развитой интеллигенции. В своей неопубликованной статье «Разговор с социалистом-революционером» (1880) он так представлял политический строй будущей России: «Я начинаю с крестьянской общины, вполне автономной во всех делах, до ее одной касающихся; затем союзы общин уездные и губернские или областные со своими выборными представительствами: а целое завершится общим земским собором под председательством самодержавного, наследственного царя. Для того наследственного, чтобы не было борьбы партий и смуты при его избрании, для того самодержавного, чтобы он мог быть всегда царем всех, а не того случайного большинства, благодаря которому он бы царствовал» (21). Таким образом, «мужицкое царство» или «самодержавная республика» в проекте Кавелина представляли подлинно демократическими формами русской государственности, в которых сильная центральная власть сочеталась с всенародным представительством, способным не только выразить интересы большинства, но и принять во внимание голос меньшинства, защитить права каждой отдельной личности. С другой стороны, он полагал, что такая форма демократии заложена в основах русской истории и культуры, т.е. является глубоко национальной по своей сути, а ее утверждение и станет великой исторической миссией русского народа. «Всенародство, — писал он, — есть то начало, которое мы,

русские, несем с собой, (...) в нем наша будущность и наше всемирное историческое предназначение; это начало и его развитие есть задача будущего, не только у нас, но и во все мире» (22).

В целом политические проекты Кавелина характеризовались, с одной стороны, сочетанием этикатических и демократических идей, а с другой — стремлением избавить самодержавие от черт, присущих восточным деспотиям, превратить ее в правильную, т.е. в просвещенную монархию, создать представительство, ведущее на практике к ограничению самодержавной власти. При этом Кавелин питал иллюзии, что самодержавная монархия в России была способна сформулировать и защитить общенациональные интересы, что она сохраняла реформаторский потенциал, дающий возможность осуществление обновления страны, ограничить произвол бюрократии и обеспечить права личности. Однако его надежды на способность самодержавия к самоограничению оставались скорее добрыми пожеланиями, чем предложениями, имеющими какой-либо реальный шанс на практическое воплощение в конкретных условиях того времени. Вместе с тем в своих построениях Кавелин, с одной стороны, реально оценивал степень готовности русского народа к свободам и конституционному строю, а с другой, подчеркивал, что сохранение существующих политических порядков может вызвать национальную катастрофу.

В основе разработанного Кавелиным проекта лежало его убеждение в существовании особой исторической связи самодержавной формы власти и народного сознания. Таким образом, лишь изменения в жизни народа, вызываемые утверждением главенства закона над властью, становление гражданского общества и личности, проходящее как в результате реформ, так и просветительской деятельности интеллигенции, могли стать, согласно представлениям Кавелина, основной предпосылкой утверждения демократических порядков. Иными словами, политическая свобода и представительный строй рассматривались им как результат мирного, самостоятельного развития самого русского народа, проходящего при сохранении сильной центральной власти, обеспечивающей все необходимые для этого развития условия. Несвоевременное же или насильственное внедрение политической свободы в незрелой и неподготовленной для ее восприятия народной среде могло вызвать социальный хаос, дискредитировать сами демократические ценности.

В своих построениях Кавелин пытался совместить сильную власть и права личности, которая, развиваясь под сенью монархии, становилась бы все более самостоятельной, а следовательно, ответственной, без чего невозможна реальная политическая свобода. Таким образом, он строил свою концепцию на сочетании либеральных и демократических принципов. Естественно, что подобного рода идеологические конструкции вызывали шквал критики в адрес их создателя как со стороны радикально настроенной части интеллигенции, горящей нетерпением, так и либералов, опасавшихся установления диктатуры толпы.

Идеи Кавелина получили свое развитие в творчестве представителя новой волны русского либерализма В.А. Гольцева (1850—1906). Примечательно, что

на закате жизни у Кавелина сложились достаточно теплые отношения с московским кружком молодой либеральной профессуры, в который, помимо Гольцева, входили М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, А.И. Чупров и ряд других деятелей, стоявших у истоков нового направления в либеральном движении. К началу XX столетия его основными чертами станут четко выраженный демократизм, обращение к социальным вопросам и относительный радикализм. Члены этого кружка и патриарх русского либерализма испытывали друг к другу неподдельный искренний интерес, что свидетельствовало о созвучии взглядов и убеждений, а также личных симпатиях. «От последнего моего пребывания в Москве, наших свиданий и бесед, на меня так и повеяло 40-ми годами, — писал Кавелин Гольцеву в июне 1884 г. — Люди другие, обстоятельства и обстановка другие, вопросы другие, а дух тот же самый! Невольно и незаметно молодеешь в вашем кружке — не воспоминаниями о прошедшем и невозвратном, а потому, что это прошедшее есть вместе и продолжающее жить под новыми формами вечно свежее, молодое, живучее» (23).

Представляется, что будущий редактор журнала «Русская мысль», один из неформальных лидеров русского оппозиционного общества конца XIX в. Гольцев воспринимался Кавелиным как духовный преемник, способный воспринять и развить лучшие традиции отечественного либерализма.

Вместе с тем взгляды «ученика» с самого начала его публицистической деятельности отличались большим демократизмом и радикализмом. Еще в 1875 г., будучи за границей, он отправил письмо в редакцию народнического эмигрантского журнала «Вперед!» (24), которое практически стало манифестом складывавшегося в стране нового демократического либерализма. Осудив ведущуюся на страницах журнала под руководством ее редактора П.Л. Лаврова пропаганду насильственной революции, Гольцев обосновал необходимость установления «...конституции, дающей возможность рабочим объединяться идти вперед при свете науки», доказывал возможность и своевременность «...введения в жизнь русского общества нового принципа народного верховенства на место императорского „быть по сему“» (25). Таким образом, Гольцев выступил не только против радикальных планов преобразований России, но и пропагандируемой либералом Кавелиным идеи сохранения самодержавия как единственной реформаторской силы России.

Демократизм Гольцева проявился в его стремлении понять и защитить интересы основной массы населения страны. Так, уже в первой программной статье журнала «Русская мысль» он писал о том, что основное внимание издание будет уделять народу «с его потребностями, страданиями, горькою нуждою, ужасающим невежеством». При этом, отмечая пагубные для крестьянского хозяйства последствия утверждения капитализма, он в духе Кавелина обосновывал необходимость сохранения крестьянской общины, предполагая вместе с тем ее постепенное превращение в «свободный союз», основанный на «личном труде» (26).

Более того, одним из первых русских мыслителей он обратил внимание на взаимосвязь уровня жизни народа и свободы. Исходя из того, что нищета большинства населения и политическая свобода несовместимы, в целях поддержки

«трудящихся классов» он в своей программной статье «Земский собор» выдвинул идею проведения национализации через выкуп предприятий, имеющих крупное государственное значение, предполагал расширение государственной помощи артелям и кустарным промыслам (27).

Вместе с тем Гольцев выступал против слепого преклонения перед народом, попыток «возвеличивания стихийного состояния перед культурным, превознесения нутра над честными усилиями просвещенной мысли» (28), т.е. противопоставления «народной правде» цивилизации и науки, носителями которых являлась интеллигенция. Он доказывал, что «рабское подчинение мнению большинства было бы ничем не извиняемо изменою народу в широком... смысле этого слова» (29).

Таким образом, Гольцев развивал заложенные еще Кавелиным традиции либерального демократизма, с его отказом от идеализации народа, стремлением понять и защитить его подлинные, не всегда им самим осознаваемые интересы.

В интеллигенции Гольцев, как и его предшественник, видел силу, способную не только просветить народ и выразить его «лучшие стремления», но и организовать его, создать в нем общественное мнение, способное заставить власть пойти на реформы. Кроме того, интеллигенция, по его мнению, должна была играть роль посредника «... между своим народом и другими просвещенными нациями, ... проводить в свою страну приобретения общечеловеческой цивилизации» (30). Развивая идеи Кавелина, Гольцев полагал, что именно интеллигенция могла соединить европейские демократические ценности с русской почвой, наполнить европейские политические формы реальным национальным содержанием.

В целом отношении Гольцева к одной из ключевых проблем общественной мысли страны — антитезе Россия—Запад — отличалось внутренней противоречивостью. С одной стороны, он не видел иной альтернативы развития страны, как движение в «западном» направлении, предполагающее создание европейских правовых и культурных форм, отмечал благотворное влияние западноевропейского просвещения на появление в России понятий о «правах гражданина и личном достоинстве» (31). Кроме того, он выступал с критикой славянофильских концепций самобытности и мессианской роли России (32). С другой стороны, он осуждал бездумное копирование, а тем более насильственное перенесение европейских форм на русскую почву, выступал сторонником творческого переосмысления достижений западной цивилизации в интересах всего народа, полагая, что он «может и должен прибавить нечто свое к общей работе человечества» (33). Таким образом, Гольцев выступал за органичное внедрение европейских форм в контекст русской культуры и общественной жизни, за самостоятельное воплощение либерально-демократических ценностей на национальной почве.

Для выполнения своей культурнической и политической миссии интеллигенция, полагал Гольцев, должна была преодолеть раскол, существующий между ней и народом, не только просветить народ, но и решить острейшую проблему коммуникации элиты и народных масс. При этом Гольцев призывал либеральную интеллигенцию активнее продвигать свои идеи в народ, брать на себя ответственность за его образование, обращаться к простым людям без заигрывания на про-

стом и понятном им языке, утверждая, что, «народ не может не понять вас и не признать за вами правды, когда она в действительности за вами» (34). Более того, Гольцев не только поставил задачу «внесения» либерально-демократических идей в народные массы, но одним из первых попытался реализовать ее на практике (35). С другой стороны, он защищал интеллигенцию как от обвинений со стороны одного из идеологов правого крыла легальных народников И.И. Каблицы-Юзова в ее оторванности от интересов и взглядов народа, в стремлении навязать ему свои идеалы (36), так и правых — в ее буржуазности (37).

В полемике Гольцева с народниками и в целом в его публицистической деятельности проявилось стремление, с одной стороны, к синтезу либерального и демократического движений в России, а с другой — к объединению всей оппозиции на базе идей политической свободы и защиты интересов крестьянства.

В духе сложившейся либеральной традиции назревшие преобразования Гольцев мыслил лишь как результат реформ, проводимых правительством при поддержке общества. При этом, как и его духовный учитель, он доказывал «невозможность мгновенных переворотов», предупреждал оппозиционную интеллигенцию об опасности «с одного маху перестраивать политические учреждения и предписывать новые законы неподготовленному к ним обществу» (38). Таким образом, он ратовал за создание гражданского общества, просвещение народа как необходимые предварительные условия для радикальных политических перемен.

Вместе с тем, осуждая революционные методы борьбы, а также «иезуитские планы натравливания бедных классов на богатые путем воздействия на (...) хищные инстинкты толпы», он в новых исторических условиях, в отличие от своих предшественников, стал допускать за народом «право вооруженным восстанием защищать себя от притеснения и гнета» (39).

Таким образом, во взглядах Гольцева причудливо сочетались неприятие насильственных методов преобразований с пониманием возможности народных выступлений, которые он и надеялся если не предотвратить, то, по крайней мере, направить в русло борьбы за политическую свободу.

В итоге необходимо отметить, что в концепции Гольцева более отчетливо, чем у его предшественника Кавелина, прослеживается синтез либеральных и демократических идей, являвшийся одной из наиболее ярких черт национальной модели демократии. Гольцев отстаивал приоритет созидания гражданского общества и достижения политической свободы перед утверждением социальной справедливости, выступал с критикой призывов к революционным изменениям общественного строя. Демократическое содержание его проекта, приобретшего к тому же национальную форму, проявилось во внимании к социальным вопросам; в планах использования традиционных структур, например, крестьянской общины, в целях формирования новых отношений; в предоставлении государству активной экономической и воспитательной роли; в допущении возможности использования нелегитимных средств для достижения политической свободы. Его общественно-политические взгляды отличались стремлением учесть национальные осо-

бенности и потребности трудящегося населения, пониманием необходимости культурной европеизации и приверженностью национальным ценностям, симпатиями к людям труда и отказом от идеализации русского народа. Таким образом, можно констатировать становление в его взглядах и деятельности нового либерально-демократического направления в русском общественном движении, которое представляло собой одну из форм национальной демократической мысли.

В целом к концу XIX в. сложились основные компоненты национальной модели реформаторской демократии. К ним можно отнести стремление понять, сформулировать и защитить интересы народа, сочетающееся с отказом от его идеализации, критикой недостатков. Представители нового направления обосновывали необходимость просвещения народа, поднятия его культурного уровня и гражданского самосознания, формирования личного начала в народной среде как обязательного предварительного условия достижения политической свободы. Революционные же демократы исходили из постулата, что формирование свободной личности невозможно в условиях самодержавия и политической несвободы.

Представляется, что проблема соотношения уровня культуры общества и человека, его нравственности и политической свободы не потеряла своей актуальности и в начале третьего тысячелетия. При этом следует учесть, что псевдолиберальные реформы начала 1990-х гг. в России проводились исходя из того, что политические свободы и рынок чуть ли не автоматически изменят общество и самого человека, приведут к утверждению западных ценностей, к всеобщему благосостоянию. Подобного рода логика была присуща и большевикам, которые шли к власти под лозунгами защиты интересов труда и установления подлинной демократии. В.И. Ленин в своей статье «О нашей революции» в ответ на критику Н. Суханова большевиков за то, что они совершили переворот и взяли власть в отсталой, некультурной стране, неподготовленной к воплощению социалистического идеала, писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры, (...) то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (40). Однако трагический опыт нашей страны показал, что любые политические изменения в стране не ведут к общественному прогрессу, если они не подкреплены соответствующими сдвигами в культуре и сознании как общества, так и личности. Разрыв же в векторах социокультурного развития приводил или к диктатуре и «казарменному социализму», или к «криминально-номенклатурному капитализму» и социальной дезинтеграции.

Представители же демократической мысли пореформенной России своим обоснованием необходимости развития личности, происходящего одновременно с изменениями общественных форм, надеялся предотвратить как скатывание страны к хаосу всеобщего и ничем не ограниченного своеволия, так и установление тоталитарной государственной власти, осуществляемой от имени народа.

При этом следует учесть, что они одними из первых столкнулись с проблемой реально существующего в российском обществе противоречия между прин-

ципами либерализма и демократии, от преодоления которого зависела судьба политической свободы в стране, ибо лишь либеральный демократизм, окрашенный в национальные тона, имел возможность утвердиться в России. В итоге осуществление либерально-демократического синтеза рассматривалось передовой общественной мыслью как процесс созидания гражданского общества и свободных личностей с постепенным выравниванием их уровня жизни, что предполагало проведение социально ориентированной политики. С другой стороны, прогрессивные мыслители пореформенной эпохи в условиях интеллектуальной полярности российского общества особенно остро ощущали свою элитарность, оторванность от народа. В этой обстановке им приходилось находить аргументы в спорах с консерваторами и умеренным либералами, доказывающими, что установление широкой демократии несет в себе угрозу нивелирования общества, утрату различий индивидуальностей, т.е. «новый деспотизм» большинства, а также поглощение национального своеобразия и культурных традиций универсальными ценностями.

На самом деле один из элементов формирующейся модели реформаторского демократизма заключался в отказе от бездумного, механистического перенесения западных форм на национальную почву, в обосновании необходимости конструктивного, органического синтеза национальных традиций с достижениями европейской общественно-политической мысли и практики.

Кроме того, представителей нового направления общественной мысли объединяло неприятие насильственных методов преобразований, осуждение как правого, так и левого радикализма. Они выступали сторонниками реформ, осуществляемых верховной властью в союзе с передовой интеллигенцией, доказывали, что достижение насильственными средствами политической свободы в условиях России может привести к социальному хаосу и появлению новой, более жестокой тирании.

В творческих исканиях Кавелина и Гольцева прослеживается становление национальной формы либеральной демократии, суть которой заключалась не столько в проповеди идеи свободы личности и демократических форм правления, сколько в определении конкретных путей их достижения в социокультурных условиях России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Жизнь и теоретическое наследие К.Д. Кавелина привлекают к себе все более пристальное внимание исследователей (см., например, *Китаев В.А.* К.Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России (XIX век). — М., 1996; *Петров В.А.* К.Д. Кавелин в Московском университете. — М., 1997; *Арсланов Р.А.* К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. — М., 2000; *Алафаев А.А., Секиринский С.С.* Константин Дмитриевич Кавелин // Российские либералы. Сб. ст. — М., 2001; *Киреева Р.А.* Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. — М., 2004; и др.). Однако отношение Кавелина к русской демократии еще не стало объектом специального рассмотрения, которое впервые проводится в данной статье.
- (2) *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: в 4 т. — СПб., 1897—1900. — Т. 3. — Стлб. 23.
- (3) Там же. — Т. 2. — Стлб. 1051.
- (4) Там же. — Т. 4. — Стлб. 918—919.

- (5) Там же. — Т. 2. — Стлб. 470.
- (6) Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. — Женева, 1892. — С. 47.
- (7) *Герцен А.И.* Полн. собр. соч.: в 30 т. — М., 1954—1962. — Т. XXVII. — С. 227.
- (8) Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. — С. 59.
- (9) *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. — Т. XX. — С. 584.
- (10) *Кавелин К.Д.* Собр. соч. — Т. 2. — Стлб. 136.
- (11) Там же. — Стлб. 137—138.
- (12) Там же. — Стлб. 140.
- (13) *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. — Т. XX. — Кн. 2. — С. 589.
- (14) Там же. — С. 590.
- (15) *Кантор В.К.* В поисках личности: Опыт русской классики. — М., 1994. — С. 99.
- (16) См.: *Кавелин К.Д.* Собр. соч. — Т. 2. — Стлб. 157.
- (17) Вестник Европы. — 1909. — № 1. — С. 26.
- (18) *Кавелин К.Д.* Собр. соч. — Т. 2. — Стлб. 1107—1108.
- (19) Там же. — Стлб. 1108.
- (20) Там же. — Стлб. 926.
- (21) Там же. — Стлб. 1014.
- (22) Там же. — Стлб. 1114.
- (23) Русская мысль. — 1885. — № 9. — С. 155.
- (24) Опубликовано: «Вперед!». — 1875. — № 21 за подписью «Русский конституционалист» с полемическим ответом редактора П.Л. Лаврова.
- (25) Памяти Виктора Александровича Гольцева. Статьи, воспоминания, письма. — М., 1910. — С. 136; *Лавров П.Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы: в 4 т. — М., 1934—1935. — Т. 4. — С. 168.
- (26) Русская мысль. — 1880. — № 1. — С. 88.
- (27) См.: *Ведерников В.В.* В.А. Гольцев и его статья «Земский собор» // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. — М.; Л., 1980. — Вып. 2. — С. 149.
- (28) *Гольцев В.А.* Литература и жизнь. Критические заметки // Русская мысль. — 1888. — № 3. — С. 163.
- (29) *Гольцев В.А.* Образованность и народная правда // Русский курьер. — 1882. — 25 марта. — № 82.
- (30) *Гольцев В.А.* Национальный вопрос в XIX в. Из политического наследия прошлого столетия // Русская мысль. — 1901. — № 3. — С. 150.
- (31) См.: *Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII в. — СПб. — 1896. — С. 156.
- (32) См.: *Гольцев В.А.* Национальный вопрос в XIX в. Из политического наследия прошлого столетия // Русская мысль. — 1901. — № 3. — С. 151—152.
- (33) *Гольцев В.А.* Идеалы и действительность / Вопросы дня и жизни (Публичные лекции, речи и статьи). — М., 1892. — С. 65.
- (34) *Гольцев В.А.* Литература и жизнь. Критические заметки // Русская мысль. — 1889. — № 3. — С. 180.
- (35) Например, Гольцев опубликовал ряд брошюр («Что такое подати и для чего их собирают?»). — М., 1903 и др.), получивших широкое распространение в народной среде.
- (36) См.: *Гольцев В.А.* Либерализм и народничество // Голос. — 1882. — № 320.
- (37) См.: *Гольцев В.А.* Дневник общественной жизни и печати // Московский телеграф. — 1881. — 27 октября.
- (38) *Гольцев В.А.* К вопросу об идеях и поколениях // Волжский вестник. — 1890. — № 308.
- (39) См.: *Ведерников В.В.* В.А. Гольцев и его статья «Земский собор». — С. 155.
- (40) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 381.

**REFORMATION-DEMOCRATIC MODEL'S
FORMING IN WORKS OF RUSSIAN THINKERS
OF THE SECOND PART OF XIX C.**

R.A. Arslanov

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

In the article the author analyzes forming of the liberal-democratic sights in Russia of the second part of XIX c. The most important steps of the thought are shown. The most precise is the attention to main ideas of reformation democracy. The author gives us methodology of the study.